

УДК 1 (47 + 57) "18/19" : 32

Национальная идея в русской философии конца XIX – начала XX веков

Н.В. Волкова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия "национальная идея", дается характеристика основных подходов к формулированию национальной идеи, проанализированы факторы, обусловившие ее возникновение, определены функции и критерии оценки национальной идеи.

Abstract. The paper considers the concept "national idea"; the characteristics of main approaches to formulating the national idea has been given; factors causing its occurrence have been analyzed; functions and criteria of evaluation of the national idea have been determined.

Ключевые слова: национальное и общечеловеческое, "русская идея", история философии, русская философия, национальная культура, общечеловеческая мораль

Key words: national and common to all mankind, "Russian idea", history of philosophy, Russian philosophy, national culture, moral

1. Введение

В российской истории проблема национальной идеи была одной из актуальных тем научных и общественно-политических дискуссий, степень интереса к которой возрастала в переломные для общества периоды. Синонимами термина "национальная идея" были понятия "национальная идеология", "русская идея". В исторической ретроспективе наиболее популярным был вариант "русской идеи" в формулировках философов русского зарубежья (Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина и других). Идея объединения русского народа для реализации духовных целей человеческого существования явилась лейтмотивом философских изысканий в области национальной идеологии. С тех пор поиск смысла исторического существования России посредством формулирования национальной идеи стал традицией. В настоящее время исследователи дискутируют о функциях, подходах в трактовке национальной идеи, социокультурных особенностях ее современных интерпретаций, исторической целесообразности обращения к ней.

2. Специфика национального в наследии Н.А. Бердяева

Обращение к научному наследию философов русского зарубежья (Н. Бердяева, Л. Карсавина, И. Ильина и других) позволяет выделить важный аспект обсуждаемой ими проблемы национального и общечеловеческого в культуре – идею национального призвания русского народа, которая ими трактуется как "русская идея". Анализируя особенности русской культуры, мыслители пытались понять призвание и историческое предназначение русского народа. Этот поиск важнейших особенностей русской нации подкреплялся рассуждениями о мессианстве, жертвенности, стремлении России к всечеловеческому единству, и, в конечном итоге, оформился в понятие "русская идея", соединяющее в себе форму самоидентификации нации и ее духовные приоритеты, интересы.

Согласно Н.А. Бердяеву, национальное своеобразие нации придает национальная идея, под которой мыслитель подразумевает все то, что "замыслил Творец о России", включая осознание своей роли в истории, своего призвания. Философ высказывал мысль о духовном прорыве России к новой жизни для всего мира, и идея эта, по его мнению, космологична, сверхнациональна, пронизана предчувствием всечеловеческого единства, достижимого путем национального роста и развития национального творчества. Высоко оценивая предназначение России, русский мыслитель отводит ей роль объединяющего начала двух культур – Запада и Востока, с целью формирования особого духовного единства, воплощающего в себе общечеловеческие ценности. "...Мы имеем все основания полагать мировую миссию России в ее духовной жизни, в ее духовном универсализме, в ее пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь" (Бердяев, 1998). Н.А. Бердяев подчеркивал, что "русская идея" найдет свое воплощение в истории, чему способствуют особые черты русского национального характера: всечеловечность, искание правды и справедливости, душевность, сострадание, совесть, бескорыстие, смирение, терпимость, которые он называет термином "русский дух". Хотя, как отмечал философ, в русском характере были и черты, противоречащие мессианской идее и свидетельствующие о национальной ограниченности, самодовольстве, "русском провинциализме". Он писал о том, что русское

национальное самомнение выражается в представлениях России о самой себе как о единственно христианской стране в мире, не признавая, к примеру, католичество в качестве христианского учения.

3. "Русская идея" в философии И.А. Ильина

"Русская идея", – считает философ, – это идея сердца, а любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Русскому человеку свобода присуща изначально, несмотря на многовековое монгольское иго и крепостничество. Она также выражается и на бытовом уровне – в органической естественности и простоте, в импровизаторской легкости и непринужденности, в медлительной плавности и певучести русской речи.

"Русская идея" по И.А. Ильину – это творческий акт русского народа, "дух христианства, любви, созерцания и свободы", утверждающая свое и созидаящая новое, при этом не отрицая и не презируя чужого. И.А. Ильин определяет пути формирования "русской идеи" через патриотизм и национализм. Патриотизм возникает на основе осознания личностью своего духовного единства с народом, веры в его духовное своеобразие, уважения к его творениям. Родина – это, по мнению И.А. Ильина, дух народа во всех его проявлениях и созданиях. Однако каждое истинное духовное достижение – в знании и в добродетели, в религии, в красоте или в праве – есть достойное общечеловеческое, поэтому настоящий патриот видит и ценит духовную силу других народов и не способен ненавидеть или презирать эти народы. Ильин понимает национализм как позитивное проявление национального духа, как выражение патриотического чувства и, следовательно, проявление духовного здоровья народа (Ильин, 1996).

Призвание русского народа, его историческая, общечеловеческая, религиозная обязанность, по И.А. Ильину, состоит в том, чтобы принять свою природную основу и духовно переработать ее. "Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Главное в жизни есть любовь... Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность" (Ильин, 1992). Философ высказывает ряд идей, реализация которых может способствовать духовному обновлению русского народа: надо научиться верить, основываясь на разуме, но соединив веру с любовью; воспитывать себя к свободе; мы должны научиться жить вместе, строить и любить семейный очаг; построить единую Родину силой любви и веры и передать это умение другим людям.

4. Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский о призвании русского народа

Верой в возможности исторического обновления своего национального бытия проникнуты размышления Г.П. Федотова о призвании русского народа. По его мнению, многонациональная специфика российского государства предполагает решение такой задачи, как расширение русского сознания в российское сознание с тем, чтобы показать миру "образец, форму мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под водительством великой нации" (Федотов, 1991).

Л.П. Карсавин указывал на то, что вера в свою миссию не должна сочетаться с национальным эгоизмом. Смысл русской идеи, по мысли философа, заключается в мучительном труде раскрытия христианской догмы, так как Россия навеки связана с православием. Россия для Л.П. Карсавина есть прежде всего часть христианского мира. Располагаясь между двумя культурными полюсами и ориентируясь на Запад и Восток, Россия призвана решить задачу объединения разнообразного, плюрального, сохраняя при этом свою самобытность (Карсавин, 1992).

Н.О. Лосский, анализируя высказывания Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева об исторической миссии русского народа, проявляет солидарность с ними в рассуждениях о всемирности, стремлении творчески гармонизировать жизнь разных народов и вживаться в чужие культуры, взаимно обогащая друг друга. А результат общения с чужими культурами, по идее Лосского, скажется в углубленном постижении и родной культуры (Лосский, 1990).

Повышенная духовность дважды за русскую историю реализовывалась в безгранично честолюбивых идеях. Первая, связанная с христианством, восходит к XV веку – времени заката и падения Византийской империи, – "второго Рима". В тот период в русских православных кругах и верхних слоях общества получила развитие и обоснование идея наследования теологической миссии Византии. Московское царство во главе с Москвой – "третьим Римом" собиралось и оформлялось под эгидой мессианской символики. Распространение православной идеи "третьего Рима" привело к тому, что Россия и русские почувствовали себя ответственными за все православные народы.

В дальнейшем этот мессианизм претерпел всевозможные модификации и метаморфозы, хотя пафос собственной избранности у России сохранялся. Так, одиночество, но могущество России связывались в общественном сознании с тем, что она несет свет "вечной истины", а одиночество – родовое свойство пророков.

Вторая идея (мессианско-коммунистическая), была не менее величественной и предполагала превращение России в центр мировой революции. Футуристичность нового мессианского символа заключалась в "неприятии жизни сегодняшней и даже завтрашней во имя жизни послезавтрашней". Один полюс – это высокая мечта и жажда всемирной гармонии, другой полюс – идея социальной жертвенности собой, детьми для того, чтобы увидеть чудесное преображение реальной безысходной жизни. А разрыв между мечтой и реальностью ведет к мыслям об утопическом прыжке через время, чтобы получить оправдание сегодняшним бессмыслице и страданиям.

Интересное объяснение такой устремленности сознания общества в будущее может быть дано через рассмотрение социокультурных парадигм времени. Современные исследователи, характеризуя детерминанты изменчивости жизни, обуславливают ее доминирующей в обществе формой социокультурной динамики. В частности, действующим принципом линейности, основные особенности которого выделяет О.С. Волгин: пространственность (последовательность); стремление к конечным, исчерпывающим определениям; выражение лишь внешней причинности движения, но не его сути; отражение ставшего, но не становления. Для линейной динамики характерна духовная обращенность к будущему, при которой общественный прогресс выступает лишь как средство. При этом возникает "нарушение темпорально-духовного баланса в общественном сознании, когда будущее начинает превалировать над настоящим и прошлым. Происходит относительное обесценивание настоящего и прошлого, что приводит к разрыву живой связи времен. Пропадает чувство устойчивости жизни, сама жизнь начинает оцениваться неадекватно, только как движение, но не существование, как прорыв, стремление к чему-то, но не как удовлетворение от того, что имеется". По-видимому, подобный объяснительный принцип восприятия изменчивости жизни в полной мере можно отнести к особенностям русской ментальности, тяготеющей к разрешению противоречий рывком, допускающей отречение от предшествующей традиции.

Стоит отметить, что В.С. Соловьев подчёркивал необходимость принятия человеком и обществом ответственности за прошлое, поскольку без этого невозможно настоящее осознание себя. Человек, чтобы не потерять "правый путь жизни", должен сохранять связь с прошлым, перенося "бремя" традиции через действительный поток истории. Эта идея звучит как обращённая именно к национальному сознанию (Соловьев, 1990).

Стремление к абсолюту, целостности, русский максимализм, проявляющийся в понимании относительности и стадильности исторического процесса, на которые указывал Н.А. Бердяев, сказались в выдвижении социально-мессианской идеи. Формирование "русской всечеловечности", которая способствовала выработке лейтмотива мессианских утопий, автор относит к XIX веку и связывает с образованием интерконфессиональных объединений. Кроме того, причину социально-политической трансформации "русской идеи" философ видит и в особенностях устроения и душевного строя русской интеллигенции XIX века. Безграничная социальная мечтательность, обостренное чувство совести, исторической вины перед народом, склонность к социальной риторике, увлечение радикальными идеями и проектами, характерная для русской революционной интеллигенции любовь к "дальному" привели к тому, что "пар" общественно ориентированной энергии выпускался в бесконечных разговорах и спорах о мировых вопросах, ведшихся в кружках, салонах еще в 30-40-х годах XIX века.

Отпечаток определенных изменений мессианских настроений и, в то же время, преемственность черт российской ментальности мы обнаруживаем в комплексе социалистического превосходства, который сформировался в национальном сознании после революции 1917 г. Суть его заключалась в своеобразной убежденности, что в обществе партийно-государственного абсолютизма все являлось самым передовым в мире именно потому, что общество строило социализм и коммунизм. Этот комплекс развивался на подготовленной почве, основой его стали идеи богоизбранности России, образ России как третьего Рима, идея об особых качествах русского народа, его святости, душевности. Подобные устроения были популярны в России и отразились в определенных чертах ментальности.

Вновь начавшийся в 90-х годах XX века поиск современной национальной идеи, которая поможет объединиться различным народностям, возрастным, социальным и территориальным группам России, сопряжен был с нестабильностью в стране и ее положения в мире. После частичного преодоления в последние годы внешней политической изоляции от международной культурной ситуации русская культура, по замечанию Б. Гройса (1992), снова вынуждена решать традиционный для русского сознания вопрос, каким образом она может определить на теоретическом уровне свою национальную идентичность и оригинальность, с помощью каких самоинтерпретаций она может защитить себя от полного растворения в более динамической западной среде.

Акцентирование внимания на культуре как основе развития современной национальной идеи делает В.М. Межуев. "Историческое призвание России состоит в отстаивании приоритета культуры перед остальными сферами общественной жизни, включая экономику и государство. Культура

объединяет людей в общеисторическом и общепланетарном масштабе", – пишет Межуев, хотя реалии жизни в "стране становящейся цивилизации" говорят о некоторой заземленности потребностей, существующих в массовом сознании.

5. Заключение

Таким образом, подводя итоги исследованию, необходимо отметить, что вопрос о причинах возникновения обостренного интереса к выдвигению национальной идеи остается дискуссионным. Одни теоретики считают, что апеллирование к национальной, в том числе и к "русской идее" – удел интеллектуальной элиты, занятой ее поиском для замены идеи социализма, либо борьбой за власть в регионах и на федеральном уровне, другие полагают, что национальная идея возникает тогда, когда у общества есть внутренние духовные ресурсы (В. Соловьев, И. Ильин). Существующие сегодня точки зрения на природу национальной идеи России объединяются общим представлением о том, что сама национальная идея – есть воплощение всей совокупности общенациональных ценностей, различие же в том, как преломляются эти ценности в каждой культуре.

Литература

- Бердяев Н.А.** Судьба России. *М., Искусство*, с.380, 1998.
- Гройс Б.** Поиск русской национальной идентичности. *Вопросы философии*, № 1, с.52-59, 1992.
- Ильин И.А.** Путь духовного обновления. Собр. соч. В 10 т. *М., Наука*, т.1, с.41-280, 1996.
- Ильин И.А.** Россия есть живой организм. *В кн.: Русская идея. Сост. М.А. Маслин. М., Наука*, с.436-441, 1992.
- Карсавин Л.П.** Восток, Запад и русская идея. *В кн.: Русская идея. Сост. М.А. Маслин. М., Наука*, с.97, 1992.
- Лосский Н.О.** Характер русского народа. В 2 кн. *М., Наука*, кн. 2, с.41-51, 1990.
- Соловьев В.С.** Собр. соч. В 2 т. *М., Феникс*, т.2, с.557, 1990.
- Федотов Г.П.** Будет ли существовать Россия? *В кн.: Судьба и грехи России. В 2 т. СПб., Мифрил*, с.179-181, 1991.